

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

БИБЛИОГРАФИЯ

**Российская библиография
и мировая цивилизация**

**Авторитетная база данных
Российской книжной палаты
(продолжение)**

**Библиотечный синдром
в журнале
«Библиотековедение»**

**Информационная культура:
эталон и реальность**

**Стеринные усадьбы
в окрестностях Москвы:
указатель литературы**

**В библиографическом
поиске (О А.А.Ваниной)**

**А.Солянов: стихи
и библиография**

**«Через штернии к звездам»
(О Б.Г.Штерне)**

Пушкиниана

**«Корректор биографико-
библиографических дел»
(С.А.Соболевский)**

**Огненный обличитель
и тонкий романтик
(Артур Рембо)**

**Обучение информационной
грамотности в США**

70 лет издания журнала

4/99

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 1929 г.

«Корректор биографико-библиографических дел»

Европейски известный библиофил, блестящий остролов и сочинитель эпиграмм, корреспондент Проспера Мериме, друг А.С.Пушкина и В.Ф.Одоевского, Сергей Александрович Соболевский (1803—1870) был к тому же оригинальным, интереснейшим теоретиком библиографии. Он сам шутя называл себя «жандармом библиографическим», — и действительно, без его помощи и критики не вышла в свет ни одна крупная библиографическая работа того времени. Например, ставшая сразу настольной книгой «Литература русской библиографии» Г.Н.Геннади прошла его строжайшую проверку, чему сам автор был очень рад и о чем сообщал С.Д.Полторацкому. Но С.А.Соболевский не просто просмотрел каждую запись в этом труде — он поместил в нем весьма интересные дополнения (С. 178—183), касающиеся в основном указателей на иностранных языках, изданных в России.

Его печатные выступления представляли собой преимущественно информацию об иностранных книговедческих изданиях, что было большой редкостью в России того времени, но в каждом из них, как убедится читатель, содержался вывод, обращенный к российским коллегам.

Редко выступая на страницах отечественной периодики, С.А.Соболевский был тем не менее «генератором идей» и, как он сам себя по праву называл, «корректором биографико-библиографических дел».

Его идеи и планы, хорошо известные современникам, были потеряны

для последующих поколений книговедов и библиографоведов по простой и чисто русской причине: они излагались в письмах к коллегам, а письма эти (кроме незначительных фрагментов) до сих пор не опубликованы.

Историками общественной мысли давно усвоено то бесспорное положение, что изучать русскую действительность, первой половины XIX в. в особенности, без обращения к эпистолярной, запискам, дневникам людей той эпохи немыслимо. К сожалению, историки библиографии далеко не всегда помнят об этом. Даже специально посвященная теории библиографии первой половины XIX столетия докторская диссертация Э.К.Беспаловой «Формирование библиографической мысли в России до 60-х годов XIX века» (1993) не избежала этих досадных промахов: архивный материал использован в ней крайне скудно. К счастью, письма С.А.Соболевского хорошо сохранились и доступны исследователям: письма его к Г.Н.Геннади — в РГА-ЛИ (23 ед.), к С.Д.Полторацкому — в РНБ (43 письма, не считая тех, которые находятся в РГБ), к М.Н.Лонгинову — наиболее полно сохранившиеся — в фонде последнего в ИРЛИ (209 ед.).

Это громадное богатство, несмотря на то, что его отчасти уже использовали некоторые авторы, ждет своего исследователя и публикатора.

К сожалению, книговеды не имеют органа для таких крупных публикаций, поэтому им приходится ограничиваться цитированием отдельных мест, а это приводит не только к неполной, но и подчас к искаженной картине.

Для данной публикации избран иной путь: опубликовать полностью (или с незначительными купюрами) несколько работ С.А.Соболевского, помещенных в свое время в печати, но основательно забытых. Следующим этапом должна стать публикация его писем к коллегам, но эта работа требует громадных усилий и представляется мне только коллективной.

Публикуемые ниже работы Соболевского, как правило, имеют форму рецензий на библиографические или библиофильские труды иностранных авторов, но по существу в них поднимаются актуальнейшие для отечественного книговедения проблемы. Так, о создании репертуара книг и периодических изданий С.А.Соболевский писал С.Д.Полторацкому еще в 40-х гг. — без сомнения, один из первых в своем поколении. Только в середине 1850-х гг. в «Литературе русской библиографии» Г.Н.Геннади обратился к

книговедческой общественности с призывом создать «нового Сопикова» объединенными усилиями всех русских книжников.

«КОРРЕКТОР БИОГРАФИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ДЕЛ»

С.А.Соболевский

[Рецензия]

The librarian Manual, a Treatise on Bibliographical Works, to which are added Sketches of Public Libraries Illustrated with Engravings. By Reuben A. Guild, librarian of Brown University Providence. New-York, 1858.

Заглавие, посвящение, предисловие, опись рисунков и оглавление занимают 20 страниц особых. На страницах 1—114 первая часть сочинения: **Библиография**, то есть каталог лучших (?) книг по библиографии. На страницах 115—287 вторая часть: **Библиотеки**; в ней описано девять библиотек, находящихся в североамериканских штатах, и пять европейских (парижская, мюнхенская, с.-петербургская, берлинская и лондонская британского музеума), при этих описаниях 16 видов <...> Перейдем к достоинству содержания. Перечень избранных книг о библиографии,

в тринадцати отделах, не дает нам высокого понятия ни о точности, ни о сведениях североамериканского библиокара. Заглавия книг он приводит ошибочно; замечания его при некоторых заглавиях (этих замечаний вообще мало) поверхностны или пошлы; когда же дело идет о трудах соотечественников сочинителя, то похвалы им чересчур пристрастны. Выбор книг о библиографии — неосновательный; что же касается полноты, то всякое суждение благонамеренного критика касательно оной отстранил г. Гильд словами предисловия, где он обещает a select list of the best sources of informa-

tion, so far as we are acquainted. Мы не из тех, которые забывают, что наш Сопиков назвал свою книгу **Опытом**, и на собственной забывчивости основывают свои требования, сколько бы оные не были неосновательны при настоящем положении библиографии.

Описания библиотек европейских поверхностны; тут не узнаем мы ничего нового; благодарим автора за то, что он вопреки обыкновения других иностранцев не слишком перековеркал обстоятельства и собственные имена при описании с.-петербургского книгохранилища, но еще более благодарны мы ему за любопытные сведения о порядках, наблюдаемых в Британском музее при получении, описи, хранении и выдаче книг. Эти порядки — высшее приложение практичного ума к библиотечному хозяйству.

Всего назидательнее для нас, москвичей. — описание библиотек Северных штатов. История каждой из них одна и та же. Жители города догадываются, что при некотором населении нельзя обойтись без публичной библиотеки; они знают, что их правительству некогда думать об их прихотливых нуждах; вследствие сего соберутся некоторые: кто принесет несколько десятков томов, кто даст несколько долларов на расходы. Немедленно избираются дарителями trustees (хранители, опекуны), которым и вверяется дело. Библиотека основана: всякий знает, куда ему обратиться и с теми книгами, и с теми деньгами, которые он назначает на общую пользу. Умиравшие богачи завещают библиотеке огромные суммы, а живущие посылают часто агентов в Европу и выписывают для библиотеки десятки тысяч томов; небогатые собиратели несут туда же или завещают свои собрания, кто за недостатком помещения у себя на дому, кто для того, чтобы собранное не растратилось после смерти. Все это

делается без штатов, без чиновничества, выбором, легко и не с натяжкой, ибо каждый знает, что условия, положенные им при дарении, будут свято и ненарушимо исполнены, и что наконец правительство, видя уже значительное собрание, примет его под свое покровительство и не даст ему сгинуть от каких-нибудь непредвиденных основателями обстоятельств.

Таким образом составились библиотеки североамериканских штатов: никогда правительство не начинало их, а основание клали частные лица, из коих надобно упомянуть об г-х Астор: отец завещал 400 тыс. долларов (около 600 тыс. руб. серебром) на заведение библиотеки в Нью-Йорке, а сын дает деньги не менее щедрой рукою всякий раз, как библиотека, носящая их имя, нуждается в экстраординарных суммах.

Все это, как сказано выше, назидательно, особенно для нас, москвичей. Когда-то догадаемся и мы, что древней столице нашей **странно** не иметь ни публичной библиотеки, ни картинной галереи; что многие собрания, уже значительные, погибли или за недостатком места, или за недостатком состояния у наследников, между которыми раздроблены доходы собиравшего; что много есть собирателей, которые желали бы упрочить целостность того, над чем трудились с любовью лучшие годы своей жизни; что много есть наследников, которые предпочли бы или даром, или за самое незначительное возмездие удержать вкупе теперь обыкновенно делимые (да притом с какими хлопотами делимые) собрания своих родителей.

А богачи наши? Неужели отказались бы они споспешествовать просвещению? Неужели не нашлись бы такие, которые уделили бы часть своих избытков на общую пользу?.. Нет, не верим этому, ибо уверены, что будь только показаны и цель и способ де-

лать доброе дело — то дарители найдутся. Нет, ибо мы несомненно знаем, что будь теперь в Москве помещение на 100 000 томов, доступное для всех, управляемое людьми, знакомыми с делом, и обеспеченное на счет будущ-

ности, — то эти 100 000 т[омов], в течение немногих дней явились бы в оное.

Библиогр. зап. 1858. № 24. Стб. 745—748.

О влиянии Смоленского бульвара (в Москве) на португальский парламент (в Лиссабоне)*

Nul n'est prophète dans son pays**

В 1858 году, в Лиссабоне, некто Да Силва (da Silva) стал издавать полный и подробный библиографический словарь писателей на португальском языке — труд замечательный по изысканиям автора и по его тщательности и добросовестности.

Как давний любитель этого языка¹, я подписался немедленно на эту книгу и получил постепенно пять томов, содержащих в себе буквы А—М.

В 1861 году произошла остановка в доставлении мне дальнейших выпусков словаря. Не доверяя отговоркам книгопродавцов, я написал господину Да Силва, лично мне незнакомому, запрося об этой остановке. Он отвечал, что действительно издание остановилось за неимением у него денежных средств, что расходы огромны, а продажа идет туго, и что в этом патриотическом деле ни Португальское, ни Бразильское правительство не оказывают ему никакой помощи. На его ответ последовало от меня другое письмо: изложив в общих словах мое мнение о важности его труда для португальцев и бразильцев, я изъявил удивление о холодности и правительства и палат этих двух одноязыч-

ных стран к такому предприятию.

Письмо мое было помещено в статье, напечатанной в номере 5895 (от 29 декабря 1861 года) газеты Сентябрьская революция (Revolução de Setembro). Вот как автор этой статьи, Техейра де Васконсельос (Tehiera de Vasconcellos), приводит мое письмо:

«Господину Да Силва пишет от 21-го мая 1861 года из Москвы тамошний филолог (?) и библиофил Соболевский:

«Я имел высокое понятие о просвещенной щедрости Португальского правительства, которое давало постоянно покойному моему другу Сантарем достаточные способы для прекрасных его изданий². По этому примеру я доселе полагал, что оно и с вами поступает так же касательно труда вашего столь же патриотического, но имеющего еще более значения по множеству предметов, до которых он касается. Ныне я удивлен известием, что ни Португалия, ни Бразилия не дают вам средств к окончанию (без разорения

* С.А. Соболевский жил на Смоленском бульваре в одном доме с В.Ф. Одоевским.

** Нет пророка в своем отечестве (фр.).

¹ Московский Вестник за 1827-ой год, часть IV-ая, страницы 63(70), статья: Выписка о Португальской словесности. — Примеч. С.А. Соболевского.

² Сантарем (Viconde de Santarem) издавал в Париже сочинения о географических подвигах португальцев в средних веках, изукрашенные картами, что требовало больших издержек. В Чертковской библиотеке находится изданная им в facsimile знаменитая Планисфера, сочиненная в 1400-м году по поручению Португальского короля Венецианским монахом Fга Mango, которая весьма важна для нас по странному для того времени и точным подробностям о России и землях, ныне России принадлежащих. — Примеч. С.А. Соболевского.

для вас самих) сочинения столь важного для славы и той и другой страны. Но если ни там, ни сям инициатива не принята административными лицами, то как не изошла она от публики? Как могло случиться, что в двух парламентах, хотя разъединенных океаном, но где собраны представители одной и той же, по языку, национальности — не поднялось ни единого голоса на должную оценку сочинения, в которое заносится память о лучших лаврах этого языка? И если ни один голос не потребовал награды автору, то, по крайней мере, как не потребовал никто для этого автора способов окончить дело, начатое им без каких-либо своекорыстных видов и начатое столь удачно на славу всех тех, кто с справедливою гордостью называет родным языком — язык Камоенша!

Такое пренебрежение к вашему прекрасному труду, продолжает знаменитый (*illustre*) филолог Московский, дает жалкое понятие о ваших двух правительствах; но еще хуже приходится думать об управляемых ими нациях, то есть о патриотизме или даже о степени просвещения тех лиц, кои избираются этими нациями в качестве своих представителей в палаты.

Это мнение — мнение ученого (*sabio*) иностранца, судящего о господине Да Силва по его сочинению, а об нас по тому, как мы ценим это сочинение. Всего ближе правительству награждать скромное достоинство и стереть со своего лица и с наших лиц следы стыда, произведенного на них такими упреками, каковы упреки г-на Соболевского».

Месяца два после напечатания моего письма (его перепечатали многие тамошние газеты), а именно 5-го марта 1862 года, в Нижней Португальской палате Торес Амейда (*Torres Ameida*) заговорил о том же предмете. Вот слова его:

«Недавно известный (*distincto*) филолог (?) и библиофил, Московит Со-

болевский, изъявил удивление о том, что в двух парламентах, Португальском и Бразильском, не поднялось до селе ни одного голоса об авторе «Библиографического словаря писателей» на португальском языке, если не с требованием его награждения, то, по крайней мере, с тем, чтобы ему были даны средства кончить сочинение, начатое единственно для славы всех тех, кому язык Камоенша — родной! Наше пренебрежение в этом случае дает ученому (*sabio*) Московиту жалкое понятие о лицах, избирающих нас своими представителями как в той, так и в другой стране. Сколь ни едки его слова и сколь ни больно нам слышать такой заслуженный упрек, но ни мало не берусь противоречить оному; а так как он был повторен во многих газетах и на обвинение не последовало возражения, то я попрошу палату выслушать меня по этому предмету».

Затем оратор красноречиво изложил пользу и достоинство Библиографического Словаря и требовал, чтобы автору даны были средства к окончанию его труда; речь встретили многими рукоплесканиями.

По окончании речи Тореса Амейда государственный секретарь (недавно определенный к месту) сложил грех, как водится, на своих предшественников и объявил, что он немедленно исполнит желаемое.

Так действительно и случилось. Лиссабонская официальная газета (*Diario da Lisboa*) чуть ли не через два дня объявила, что правительство подписалось на 700 экземпляров как вышедших, так и будущих томов Словаря, чем дана возможность продолжать это издание.

При конце последних двух томов, шестого и седьмого, приложены автором словаря перепечатки статей из газет и журналов португальских и бразильских о его книге и ее издании; в них изложено подробно все вышесказанное.

Итак, завершение сочинения: *Dictionario bibliographico portuguez, estudos de Innosentio Francisco da Silva, applicaveis a Portugal e ou Brasil*, заключенного ныне седьмым томом, произошло от толчка, данного этому делу со Смоленского бульвара! На запад-

ников, гордящихся исстари своим просвещением, подействовал упрек, сделанный варваром — Московитом!

Как не сказать: *Nul n'est prophète dans son pays!*

Рус. арх. 1868. Стб. 331—333.

*Библиотека Авраама Сергеевича Норова
(Bibliothèque de Mr Abraham de Norof).*

*Часть 1-ая. Санкт-Петербург, в типографии Императорской Академии наук.
1868. В 8-ку, VIII и 311 страниц.*

А.С.Норов* был искони ревностным библиофилом; он до 30 годов собрал замечательную библиотеку, которую продал князю Николаю Ивановичу Трубецкому; потом он составил другую, которую уступил в Московский Музей за 17 000 рублей с тем, чтобы после его смерти были уплачены 17 000 руб. эти по его назначению. Эта вторая библиотека описана в настоящем каталоге, которому следовало быть, по плану автора, в 3 частях. Напечатанная ныне первая часть содержит в себе описание отделов: 1) Священное писание, 178 номеров; 2) Толкование Священного писания, библейская история и философия, 193 номера; 3) Библейская география, преимущественно Палестины; ее история, карты, планы и виды, 133 номера; 4) Палестина и Синай; описания очевидцев и путешествия, 401 номер; 5) Египет и вообще библейские страны, 169 номеров; 6) Отцы и учителя церкви, жития святых, всеобщая история церкви, догматическая и обрядная ис-

тория христианских церквей, церковная археология, 431 номер; 7) Богословия, 193 номера; 8) Философия и нравоучение, 243 номера. В конце тома приложены: а) указатель алфавитный на страницах 391—411, б) 4 осьмушки снимков facsimilé. — За смертью Авраама Сергеевича нельзя надеяться на продолжение. Каталог этот составлен мастерски; библиографические заметки в нем на французском языке; в предисловии объяснены тому причины и рассказано, как и на каких условиях поступила библиотека в Московский Музей; тут же находим содержание неизданных еще двух частей.

Библиотека составлена с любовью к делу и глубоким знанием и того, что в ней есть, и того, чего в ней недостает. Отделы первый, второй, шестой и седьмой изобилуют важными и редкими книгами; отделы третий, четвертый и пятый отличаются особенно полнотою; в отделе восьмом мы находим такое полное собрание творений знаменитых философов Giordano Bruno e Campanella (все эти творения были истреблены и составляют теперь библиографические редкости), какого нет ни в одной из публичных или частных библиотек Европы. Снимки в конце каталога сняты с рукописей (отчасти неизданных еще) этих знаменитых в Истории просвещения лиц: Брюно был сожжен заживо (в Риме,

* А.С.Норов (1795—1869) — участник Бородинского сражения, библиофил, писатель, историк. С 1850 г. — сенатор, в 1850—1854 гг. — товарищ министра народного просвещения, 1854—1859 гг. министр. Многочисленные упоминания о нем см.: Никитенко А.В. Дневник в 3 т. М., 1956. Кроме того, имеются довольно многочисленные заметки и статьи, специально посвященные А.С.Норову, не считая сведений, сообщаемых разнообразными энциклопедическими изданиями.

1600) инквизициею, а Кампанелла просидел 27 лет в ее тюрьмах, где его пытали 24 раза.

Мы, москвичи, должны радоваться, что собрание А.С.Норова у нас, а вся Россия должна быть благодарна его памяти за то, что он не предпочел вывезти свою библиотеку на распродажу за границу. За одни те книги, которые описаны в 1-ой части каталога, легко бы выручить там те 17 000, которые условлены были им за всю библиотеку; сверх того мы

удостоверились в Музее, что те издания, которые должны бы быть описаны в неизданных частях каталога, стоят вдвое или даже втрое больше этой суммы. Самый каталог этот стал редкою и искомою книгою; он напечатан очень красиво и, как слышно, в ограниченном числе экземпляров; напечатанных на бумаге высшего достоинства еще того меньше.

Рус. арх. 1869. Стб. 064065.

Новые явления в русской библиографии*

Запас всего того, что напечатано на родном нашем языке, как старинном, так и новом, гораздо меньше напечатанного на других европейских языках; самое книгопечатание введено у нас только тогда, когда в других странах Европы оно произвело уже много и много тысяч изданий; распространилась же у нас типография уже в то время, когда тамошние издания считались едва ли не сотнями тысяч.

Вследствие этих обстоятельств у нас позволительно не только желать, но и ожидать полного описания всего нашего печатного запаса; а что желание это может исполниться, доказывается тем, что все, поныне напечатанное у нас церковным шрифтом, уже сочтено (за исключением разве немногих книг или книжек, которые отыскиваются в течение времени в разных закоулках) и отлично описано в трудах Сопикова (1-ая часть его Опыта), Калайдовича, Строева, Ширяева, Сахарова, Кара-

таева, Ундольского, Бычкова и Викторова.¹

Пекарский и Бычков также хорошо и подробно описали и книги, напечатанные гражданским шрифтом по 1725 год.

Следовательно, русским книговедам остается еще желать и ожидать исчисления и описания книг, напечатанных гражданским же шрифтом с 1725 года по настоящее время.

Основание такому желаемому описанию положено Сопиковым во второй, третьей, четвертой и пятой частях Опыта Российской библиографии, расположенного им по азбучному порядку названий (который весьма сбивчив). Почтенный и скромный Сопиков сам назвал труд свой Опытом, чувствуя и сознавая его несовершенство и неполноту. Необходимо помнить, что до издания этого опыта, то есть до 1813—1820 годов, не было у

¹ Мы видели корректурные листы книги Ундольского: «Опыт славяно-русской библиографии», издаваемый А.Е.Викторовым. В ней описано 3690 книг, напечатанных с 1491 года по 1864; затем следует дополнительный список, составленный Бычковым и состоящий из 1057 названий; последние касаются изданий 1865—1866 годов. Сверх того в библиотеке Лукашевича оказалось некоторое число книг, неизвестных доселе. — *Примеч. С.А.Соболевского.*

* Публикуется с незначительными сокращениями.

нас ни хорошо устроенных и обширных собраний русских книг, ни порядочных им описей; сам Сопиков ни воспитанием, ни житейскими обстоятельствами не был подготовлен к труду, предпринятому из одного усердия к делу: он записывал урывками книги, случайно попадавшие ему в руки, не зная притом требований библиографии, уже повсеместно принятых в других странах, а довольствуясь исполнением тех, кои успели дойти до него; сверх всего этого он не успел допечатать сам своего труда и поместить в конце обещанный в предисловии реестр по именам сочинителей, что сделало бы его Опыт несравненно доступнее для всякого. Несправедливо бы сетовать на Сопикова за неуклюжесть его творения, за переименование заглавий, за мелкие промахи всякого рода; следует благодарить этого труженика (и благодарить усердно) за сделанную впервые попытку и за указание на множество книг, которые были напечатаны до его времени и которые уже не встречаются в нынешних собраниях и не упоминаются даже теперешними библиографами.

За смертью Сопикова последняя часть Опыта допечатана в 1820 году Анастасевичем; в это самое время под руководством того же Анастасевича составлена и издана: Роспись библиотеки для чтения Плавильщикова. Эта роспись расположена в систематическом порядке; сверх того к ней приложен азбучный указатель имен сочинителей, то есть уже удвоено удобство к справкам. Но частная библиотека, особенно же библиотека для чтения по существу своему не может претендовать на полноту; в состав ее не может вмещаться книг старинных или редко встречаемых или редко требуемых; следовательно, круг справок, даваемых в ее каталоге, не может быть очень обширен, как бы, впрочем, она ни была значительна.

Библиотека Плавильщикова перешла к Смирдину. Смирдин, пополнивший ее многими книгами, должен был иметь в виду при этом требования своих подписчиков, обращенные большею частью на вновь выходящие книги.

В 1828 году значительно дополненный и исправленный каталог Анастасевича издан вновь, как Роспись библиотеки для чтения Смирдина; сметливый издатель прибавил к нему новое, то есть третье удобство для публики: указатель по азбучному порядку заглавий.

Соединение этих трех удобств к отысканию какой-либо книги (то есть систематический порядок, азбучная роспись имен сочинителей и роспись книгам по азбучному порядку) чрезвычайно облегчило справки и для учебных целей, и для торговли.

Библиотека Смирдина продолжала пополняться, что свидетельствуют Прибавления, изданные в 1829 и 1832 годах. Жаль, что к этим Прибавлениям не были приложены двойные азбучные указатели; впрочем, большая часть заглавий из них вошла в Роспись Ольхина, изданную в 1846 году; эта Роспись составлена совершенно по образцу Смирдинской, то есть с такими же двойными азбучными указателями и только с незначительным изменением систематического порядка.

Библиография не есть наука, а ключ к знанию; скромное ее назначение подавать всякому, кто ищет знания и сведений, способы как можно легче ознакомиться с делом и не терять времени и сил на поиски; говорим: всякому, разумея и самого ученого, и самого малограмотного, преимущественно же последнего. Не входя в оценку исчисляемого материала, хорош ли он, дурен ли, библиографии следует исчислить то, что сделала наука или создало слово человека. Хотя библиография и может быть применена по языку, эпохе, времени к большему или меньшему кру-

гу, но все-таки она должна оставаться верною своему главному предназначению: быть удобным ключом в руках всякого, ученый ли он, полученный ли или вовсе не ученый. Этого совершенства у нас едва ли не достигли Росписи Смирдина и Ольхина; скажем утвердительно, что всякую книгу, попавшую в эти Росписи, нельзя не отыскать в них скоро и легко; по этому чрезвычайно практическому удобству эти Росписи остались необходимыми для каждого, кто на Руси занимается или намеревается заняться чем-либо научным или литературным; а так как они обязаны главным своим совершенством соединению трех способов к изысканию, то мы твердо уверены, что необходимо сохранять все эти три удобства в совокупности при будущих библиографических изданиях того же рода.

Итак, по части книговедения мы, русские, имеем:

1. Такие пособия касательно книжного дела по 1725 год, каких в этой же полноте нет и даже не может быть у других. Деятели названы выше.

2. Очень не полные, отрывочные, часто ошибочные, настоящим требованиям библиографии не соответствующие перечни и описания того, что издавалось у нас в 18-м веке с 1725 года. Кроме Сопикова, едва ли можно назвать замечательного деятеля по этому периоду.

3. Образцовые по удобству, но весьма не полные, и в целом и в частностях, росписи и описания того, что напечатано у нас в первые сорок шесть лет настоящего века. Нас поразили этим важным материалом Смирдин и Ольхин.

Для пополнения пробела с 1725 года по конец 18-го века довольно заготовлено печатных материалов, как-то: Издания и каталоги Академии наук, Отчеты Императорской публичной библиотеки, Словари Бантыша-Каменского, преосвященного Евгения и

других ученых; статьи в тогдашних и нынешних журналах; объявления в современных газетах, книгопродавческие каталоги, каталоги библиотек Черткова, Демидова и проч. Эти источники ныне легко пополнить, проверить и исправить в наших огромных книгохранилищах, которые вообще сделались очень доступными, приведены в порядок и описаны или рукописно, или даже и печатно; в них найдется и самое редкое, и самое обыкновенное, то есть способы к достижению приблизительной полноты.

Что же касается до Русской библиографии текущего столетия, то материала наготове еще больше: огромное число журнальных статей в изданиях, собственно библиографии посвященных, или в таких, где библиография из главных отделов, тьма каталогов и объявлений книгопродавцов, труды многих специалистов по разным отраслям литературы, архивы цензурных комитетов; к этому вдобавок много и из приведенного выше материала; а при всем этом такие путеводные книги, какковы Росписи Смирдина и Ольхина.

Итак, для описи всего того, что у нас произведено печатью с 1725 года, нужен только подготовивший себя усердный работник. Будем льстить себя надеждою, что такой найдется и найдется скоро, пока такое желаемое описание под силу одному лицу!

Что путеводные нити вроде Смирдино-Ольхинской Росписи желательны и даже необходимо иметь за последнее время, доказывается недавно сделанными попытками. Поговорим о двух главнейших:

а) Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине Александра Ильича Глазунова. Составлена за последнее десятилетие (1855—1866). Санкт-Петербург (8) XI и 497 страниц. (На страницах 447497 указатель имен авторов, переводчиков и редакторов). Предисловие подписано: Александр Глазунов.

б) Систематический каталог Русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова. Составил В.И.Межов. Санкт-Петербург. 1868 (8) XIII и 995 страниц (на страницах 903995 азбучный указатель авторов, составителей, критиков и рецензентов).

Владимир Измайлович Межов известен публике многими превосходными библиографическими монографиями и указателями.

Мы не станем рассматривать этих двух каталогов в подробностях, что повело бы к заявлению многих новых требований; скажем наше мнение только о том, лучше ли они или хуже в отношении удобств, признанных уже публикою за Росписями Смирдинской и Ольхинской, то есть в отношении справочной их стороны, как изъясняется г. Межов. При этом считаем нужным заявить, что, по нашему мнению, всякое библиографическое издание не может не быть преисполнено самых многочисленных ошибок и недомолвок: записка заглавий (где цифры, условные знаки и тому подобное играют важную роль), переписка набело этих заглавий для набора, набор, корректура набранного и промахи при исправлении по корректуре — словом, весь процесс редакции и печатания каталогов влечет за собою тьму разных погрешностей, особенно же если издатель понуждается временем и имеет в своем распоряжении до 12 000 названий. Итак, обратим внимание единственно на справочную часть, то есть на удобства для отыскания книг и материального знакомства с ними в этих двух росписях, и постараемся решить вопрос: что эти удобства лучше или хуже для публики у А.И.Глазунова и В.И.Межова, чем у Смирдина и Ольхина?

Не запинаясь ни на миг, отвечаем: хуже для публики. Этот решительный ответ считаем себя вправе дать потому, что мы частица этой публики; особенно же в силу следующей посылки:

«если нам, привыкшим рыться в книгах, привыкшим к библиографическим приемам, встречаются при изысканиях в каталогах Глазунова и Межова такие трудности, каких мы встречали гораздо менее в Росписях Смирдина и Ольхина, то каково же тем, кто менее свычен с справками такого рода?»

Постараемся изложить причины этих трудностей.

а) У А.И.Глазунова и В.И.Межова систематический порядок, принятый Смирдиным и Ольхиным, изменен и заменен двумя, отличными один от другого порядками. Сожалеем об этом, не потому чтобы эти новые порядки были хуже прежних, а потому что публика уже привыкла к старым. Систем в библиографии несколько сотен; над ними в течение многих столетий работали не только библиотекари и книгопродавцы, но и ученые первой степени; все эти многообдуманые порядки имеют свои преимущества и свои недостатки, но ни одному из них не посчастливилось сделаться общепринятым. Так, например, у французов, где издавалось и издается такое множество каталогов, они почти все располагаются по системе Martin, введенной в употребление за полтора столетия, вовсе не ученым книгопродавцом этого имени: его система признана очень неудовлетворительною; ученые каталографы старались заменить ее своими, а все-таки только этому порядку следуют преимущественно, довольствуясь изредка легкими изменениями, и следуют единственно потому, что к нему привыкла французская публика.

В применении систематического порядка к заглавиям книг, помещенных в одном и том же подразделении, мы находим, что эти заглавия сгруппированы у Смирдина и Ольхина по предметам, а у А.И.Глазунова и В.И.Межова следуют по азбуке, так что у последних нужно пробежать все отдельное подразделение, чтобы оты-

скивать книги, по одному и тому же предмету изданные, между тем как у первых глаз невольно останавливается на группе, в которой должна находиться искомая книга. От этого происходит и то, что книги, служащие продолжением прежде изданных, совершенно нерационально отдаляются от них и даже предшествуют им. Так, например: Новый сборник пословиц Снегирева (у А.И.Глазунова № 3869, у В.И.Межова № 5865) отделен от Русских народных пословиц того же автора (у А.И.Глазунова № 3896, у В.И.Межова № 5899) тридцатью главами, и у обоих продолжение упомянуто целыми страницами прежде коренного издания, что явно затрудняет справляющегося и противно всякому смыслу.

б) У А.И.Глазунова и у В.И.Межова упущена роспись книгам по азбучному порядку, т.е. отнят у публики один способ (из трех) к удобному отысканию книги, именно тот способ, в котором нуждается лицо, не помнящее имени автора или ищущее книги, на которой имя автора не было выставлено или которая издана чьими-либо общими трудами, что случается очень часто. По-нашему, это важный недостаток. Не будем пускаться в доказательство слов наших ни по теориям, ни примерами, а скажем только, что в течение полутора века лучшими каталографами принято помещать при систематических каталогах роспись книгам по азбучному порядку или отдельно, или слитно с алфавитом имен писателей. Иностранцы опытнее нас в деле книговедения; если Смирдин и Ольхин смекнули, что хорошо им подражать в этом, если публика одобрила это подражание и к нему привыкла в течение сорока лет, то отступление от него не могу я считать иначе, как лукавым мудрствованием, а не полезным нововведением, шагом назад, а не прогрессом. Или редакторы утрастились некоторого труда, а

издатели лишней траты на напечатание четырех или пяти листов этих росписей?

в) У А.И.Глазунова и В.И.Межова азбучный указатель имен не в пример хуже, чем у Смирдина и Ольхина уже и тем, что в нем при фамилиях имена большею частью заменены начальной только буквою и вовсе нет столь важного для нас, русских, отчества. Очень знаем, что выставлять имя и отчество дело хлопотливое, во многих случаях требующее больших изысканий, даже иногда невозможное, если в самой книге нет на это прямого указания; но мы имеем право требовать, чтобы всякое такое указание из книги было перенесено в каталог, чего не сделано почти нигде у А.И.Глазунова и В.И.Межова, а сделано почти везде у Смирдина и Ольхина. Сверх того, считаем замену имени, напечатанного вполне, одними начальными буквами весьма неудовлетворительным для читателя и подающим часто повод ко многим типографским ошибкам. Для читателя буква А может значить и Алексея, и Александра, и Анисима, и Антона, а для типографщика гораздо легче ошибиться и заменить ее другою, если последующая буква не обратит внимания корректора на правильное чтение этой начальной буквы².

г) У Глазунова и Межова принято, кажется, правилом не упоминать во все о формате книг. Нам нигде не случилось встретить этого правила, хотя многие тысячи библиографических пособий и каталогов прошли у нас под глазами или находятся беспрестанно у нас в руках. Никак не можем объяснить себе причины столь странного упущения, особенно в росписях книг, находящихся у торговца для продажи

² Пример: и у А.И.Глазунова и у В.И.Межова при фамилии Тихменева стоит буква И, поставленная по ошибке наборщика вместо схожей буквы П, так как историк Американской нашей компании зовется: Петр Александрович Тихменев. — *Примеч. С.А.Соболевского.*

их публике, которая часто соразмеряет цену книги с их объемом и весом. Предисловие А.И.Глазунова и самое заглавие его Росписи показывают, что он имел в виду сделать за последнее десятилетие то, что осуществили Смирдин и Ольхин за прошлое время; для этого он включил в свой каталог и такие книги, которых у него нет налице. Сожалею, что эта мера принята им в немногих только случаях, и что у него не упомянуто о многих важных изданиях, особенно о таких, которые не были пущены в продажу, а раздавались щедро от казенных мест.

Неужели же в каталогах А.И.Глазунова и В.И.Межова все хуже, чем у Смирдина и Ольхина? Нет, отвечаем мы с радостью; в каталогах В.И.Межова есть нововведение очень важное и чрезвычайно полезное, едва ли не им самим придуманное и введенное им первым в таком значительном размере. Мы говорим об исчислении критик и рецензий, кои 7200 раз помещены при 12 000 заглавий. Вот это шаг вперед (и великий шаг) на стезе книговедения; вот пример, которому должны подражать наши каталографы! Что же касается росписи Глазуновской, то мы бы не нашли сказать что-либо утешительного об ней, если бы не получили на днях первого к ней Прибавления. Нам приятно видеть из предисловия к этому первому Прибавлению, что Глазунов признает

вполне наше мнение об азбучной росписи названий книг, говоря: «для облегчения справок будет издан в самом непродолжительном времени алфавитный указатель всех книг, помещенных в России и в первом Прибавлении». Мы также рады видеть, что в указателе авторов, переводчиков и редакторов, помещенном на страницах 165184 этого Прибавления, при именах часто появляются отчества. <...>

Остается желать, чтобы при будущих работах наши библиографы пользовались прекрасными примерами: В.И.Межова помещать перечень критик и рецензий на упоминаемые книги, редакторов Чертковского каталога отмечать число страниц и отдельных листов каждой книги, Якова Федуловича Березина-Ширяева исчислять статьи сборников. Вместе с тем нужно, чтобы они не пренебрегали, из единого лукавого мудрствования, потребностями и удобствами публики, особенно же публики не ученой, желающей учиться, начинающей учиться; чтобы не отнимали у нее способов удобно и легко отыскивать то, что ей нужно, а дорожили опытом времени и примером предшественников, как иностранных, так и своих, во всем том, что действительно полезного и практичного придумано веками. Не все же дурно то, что старо!

Рус. арх. 1869. Вып. V. Стб. 923934.

Словарь писателей иезуитского ордена

Bibliothèque des écrivains de la compagnie de Jésus ou notices bibliographiques: 1) de tous les ouvrages publiés par les membres de la compagnie de Jésus depuis la fondation de l'ordre jusqu'à nos jours; 2) des apologues, des controverses religieuses... Liège, 1856 (Библиотека писателей-иезуитов, или Библиографические заметки обо всех произведениях, опубликованных членами ордена от его основания до наших дней...)

Замечательного этого сочинения вышло о сю пору только три тома в большую осьмушку по два столбца на странице. Цель его — пол-

ная библиография всего того, что издано на множестве европейских и других языков — езуитами: и мало известными, и теми, которые занимают

почетное место в литературе, по всем отраслям науки. Для России важнее прочих третий том по множеству сведений, сообщенных в нем о езуитах из Польши и других славянских земель провинциалом Галиции Брауном. Мы же рекомендуем в особенности порядок и способ издания этого сочинения тем нашим биографам и библиографам, которые, собрав множество сведений, оставляют их в своих картонках и портфелях неизданными оттого только, что или изобретают форму издания, или боятся издать сведения неполные и недостаточные. От этого они откладывают обнародование драгоценных материалов, не думая обо всем том, что в будущем может уничтожить их предприятие и подвергнуть гибели начатое.

Езуитские библиографы поступают лучше. В 1853 году они издали первый том, содержащий под литерами французского алфавита от А до Z имена всех тех сочинителей своего ордена, об которых сведения были у них уже налице. Под каждым именем вы найдете краткую биографию и наиполнейшие (по возможности) сведения библиографические о трудах означенного лица; этим они обеспечили собранное от растраты и потери в будущем. К 1854 году накопилось у них материалов еще на один такой же том, и этот они напечатали в таком же порядке, прибавив, для удобства в справках, на страницах V—XXII перечень всех статей, содержащихся как в первом, так и во втором томе, обозначив римскою цифрою том, а арабскою страницу, где следует искать лицо, о жизни и трудах которого желательно узнать подробности.

Этот способ издания, без сомнения, превосходит для подобного сочинения. Собранные, так сказать, страхуются от всякого истребления, не оставаясь между тем бесполезным для публики; всякому дана возможность пополнить и поправить изданное, а эти

пополнения и поправки удобно присоединяются к сочинению в следующих томах и делаются немедленно доступными читателю посредством упомянутого нами краткого перечня, который перепечатывается при каждом томе.

Много погибло накопленных в разное время, разными лицами и у разных народов биографических и библиографических материалов оттого только, что собиратели оных слишком откладывали их обнародование. Это было всюду; это было и у нас, и будет всегда и везде, где биографы и библиографы станут искать идеальной полноты и недостижимой безошибочности.

Господа Беккер, поняв, что эти качества невозможны, не забывают также о скоротечности человеческой жизни, поэтому они делятся своими изысканиями по мере возможности и смиренно отдают ученому миру сделанное на пользование и суд. Рекомендуем это ученое смирение всем тем, которые малодушно боятся указаний на неизбежные погрешности и обижаются ими; вместе с тем рекомендуем и критикам не трубить с радостию о найденных ошибках, а указывать их с благодарностью за сделанное. Сколько раз случалось нам слышать упреки почтенному нашему Сопикову, который по сделанным наскоро запискам, по указаниям памяти, без предшественников, без средств, без предварительного образования, а все-таки издал для России под скромным названием *Опыта* такую книгу, какой эти строгие аристархи не осмеливаются даже переиздать ныне, при всем обилии имеющихся теперь у них под руками способов, собраний и накопленных с тех пор изысканий и материалов. Не в библиографии ли всего легче заметить былинку в глазу ближнего и не рассмотреть бревна в своем собственном?

*Библиогр. зап.. 1858. № 7.
Стб. 204—206.*

Читателям «Библиографических записок» было вполне ясно, что автора меньше всего интересует литературная деятельность иезуитов. Его статья была обращена к русским коллегам по библиографии и содержала упрек и пример для подражания — указание на достойный образец, мало кому в России известный. Некоторые выражения заставляют предположить, что главным адресатом этой статьи был С. Д. Полторацкий: это в его «картонках» копились сокровища, которые, как предполагал С. А. Соболевский,

могут погибнуть без опубликования. Он оказался прав: основной труд С. Д. Полторацкого «Мой сборник библиографический» хотя и не исчез, но оказался разрозненным (часть — в РНБ, часть — в РГБ), а это для работы подобного рода почти равносильно гибели. Так что призывы Сергея Александровича Соболевского сохраняют интерес и актуальность и в наши дни.

Подготовка текста,
публикация и примечания

Л. М. Раевич

КУРЬЕР

■ К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина Российская книжная палата впервые представила из фондов национального книгохранилища, насчитывающего 75 млн ед. хр., коллекцию плакатов, литографий, эстампов, графики, открыток и книг за 1924—1987 гг., посвященных великому поэту.

Выставка проходила со 2 по 8 июня 1999 г. в московском культурно-историческом центре «Красные палаты» на Остоженке. Экспозиция показала, что жизнь великого поэта и его произведения нашли творческое преломление в работах таких мастеров-плакатистов, графиков и иллюстраторов, как Г. Г. Клуцис, М. В. Добужинский, М. А. Григорьев, Б. Н. Зеленский, Г. Д. Епифанов.

Центральное место на выставке занимали красочные, прекрасно сохранившиеся плакаты, запечатлевшие выразительные художественные образы, созданные к кинофильмам, театральным спектаклям и к

сказкам А. С. Пушкина. Киноплакаты «Путешествие в Арзрум», «Юность поэта» (1937) художников Д. Н. Гобермана и Гольдштейна, «Дубровский» (1948) художника С. В. Стенберга, «Коллежский регистратор» по повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» (1949) художника А. Бельского, киноплакаты на языках народов СССР 30—40-х гг. позволили оценить их как искусство сложное и специфическое, вобравшее в себя прогрессивные традиции русской графики, выразительные средства народного лубка, иллюстрации, журнальной карикатуры.

Серией автолитографий художников Г. Н. Веселова, А. З. Иткина, М. И. Фейгина и др. представлены портреты А. С. Пушкина в различные периоды его жизни.

Дополняют и расширяют диапазон экспонатов, посвященных творчеству юбиляра, произведения А. С. Пушкина с иллюстрациями художников

Г. Чернецова, Г. Г. Гагарина, В. Шухаева, Н. Тырсы, альбом «А. С. Пушкин и его окружение» (1938), академическое издание 1937 г. «Маленькие трагедии» с рисунками И. Рерберга.

На выставке была представлена лишь малая часть сформированного за 80 лет фонда изданий, насчитывающего более 550 тыс. ед. хр. В ближайшее время национальное книгохранилище Российской книжной палаты предполагает провести серию тематических выставок, на которых будут демонстрироваться плакаты известных художников, иллюстраторов, графиков. При этом решено не ограничиваться показом только изданий. Параллельно с экспозицией ретроспективного фонда в здании Российской книжной палаты на Октябрьской ул., 4 с сентября 1999 г. будет действовать постоянная выставка новейших отечественных произведений печати.